

ка, а также намекающий перспективы дальнейшего изучения предмета. Не приходится сомневаться в том, что это быстро разошедшееся издание станет необходимым отправным пунктом для всех последующих работ в этой области. Ценно, наконец, что книга совмещает в себе жанр исследования и учебного пособия.

Ониани А. Л., Климов Г. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарджвеладзе З. А. Вопросы истории грузинского литературного языка. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
2. Иманшвили И. В. Симфония-словарь к грузинскому Четвероголаву. Тбилиси, 1948—1949 (на груз. яз.).
3. Симфония к поэме Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» / Сост. под рук. Шанидзе А. Г. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).

Viel M. La notion de «marque» chez Troubetzkoy et Jakobson. Un episode de l'histoire de la pensée structurale. P.: Didier édition, 1984. 783 p.

Рецензируемая книга — детальное исследование по истории лингвистики XX в. Здесь тщательно прослеживается становление понятийного аппарата классической фонологии и его роль в формировании системно-функционального подхода ко всем явлениям языка. Автор пытается установить точную дату появления того или иного фонологического термина, выяснить, кто именно, когда и в какой связи обнаружил тот или иной фонологический феномен и «изобрел» понятие признака и оппозиции, архифонемы и нейтрализации, корреляции и дизъюнкции, как уточняется содержание в процессе превращения отдельных понятий в целостный понятийный аппарат фонологии; когда было осознано их общелингвистическое значение и кто перенес эти понятия в морфологию, лексику и синтаксис. Исследуя процесс становления общелингвистического характера понятий, зародившихся в фонологии, сам М. Вьель пытается «навести мосты» (jeter des ponts) между фонологией, с одной стороны, и морфологией, лексикой и синтаксисом — с другой.

Книга состоит из Введения (с. 9—26), пяти глав, Заключения (с. 703—712) и научного аппарата, включающего в себя Цитацию (с. 711—745), Библиографию (ок. 225 названий) и разного рода индексы (имена, языки, термины).

В первой главе — «Общая фонологическая модель» (с. 27—152) — описываются первые шаги фонологии, первые фонологические понятия, детально разбирается личный вклад Н. С. Трубецкого и Р. О. Jakobsona, роль Н. Н. Дурново (с. 127—131), А. Мартине, Б. Трюки, С. Карцевского и др. в создании первой «общей модели» фонологии. Констатируется, что термин «фонема» впервые встречается в работе Jakobsona 1923 г. Здесь, по мнению М. Вьеля, заложен базис теории фонем и ее вариантов. Термин «фонологическая система» впервые появляется в январе 1927 г. (Пражская конференция), хотя фонема остается

еще «акустико-моторным впечатлением» (с. 36—37). Датой рождения фонологии автор считает 1928 г. (I Международный конгресс лингвистов), а «Proposition» Н. С. Трубецкого, Р. О. Jakobsona и С. Карцевского к этому конгрессу — первым фонологическим манифестом. Здесь подчеркивается, что русские слависты — инициаторы фонологии — не были учениками И. А. Бодуэна де Куртене и Л. В. Щербы (с. 38). Это верно. Более того, Трубецкой считал их лишь «наиболее яркими предшественниками фонологии на поприще славистики» [1].

Исследуя отношение основоположников фонологии к школе де Соссюра (с. 51—65), автор отмечает отрицательную реакцию Трубецкого на «невезественные» попытки связать фонологическую концепцию с идеями Соссюра, квалифицируя такого рода попытки как «совершенно возмутительные». По подсчетам Вьеля, в «Основах фонологии» Трубецкого «еще более дюжины» ссылок на Соссюра, «в большинстве своем негативных».

Противопоставление двух типов оппозиций, основанное на различении понятий корреляции и дизъюнкции («бином Jakobsona»), было выдвинуто Jakobsonом в 1928 г. Вместо более равных терминов («акустико-моторное представление», «различие» и др.) к 1930 г. стали использоваться только «фонема» и «вариант фонемы», «архифонема», «оппозиция», «коррелятивная пара» и др. В 1931 г. выходит в свет «Проект международной фонологической терминологии» как пробный свод фонологических понятий.

Сосредоточив внимание на проблеме генезиса понятийного аппарата фонологии, М. Вьель оставил в тени титаническую научно-организационную деятельность создателей фонологии в международном масштабе. Новая научная теория могла остаться «частным» делом небольшой группы энтузиастов, если бы они не приложили максимум сил и энергии для пропаганды своей теории. Были

разработаны не только проект международной фONOлогической терминологии, но и международная программа для сбора сведений об устройстве фONOлогических систем самых различных языков мира. На почти ежегодных международных съездах (1928, 1929, 1931, 1932, 1933, 1934, 1935, 1936, 1938 г.) лингвистов, филологов, психологов и специализированных съездах фонетистов и фONOлогов Трубецкой и Якобсон непременно выступали с докладами, организовывали фONOлогическую секцию, заседание «рабочей группы». Они создали первое международное сообщество фONOлогов с национальными филиалами во многих странах мира, провели Первую международную конференцию фONOлогов (декабрь 1930 г.).

М. Вьель, пожалуй, прав, выделяя в качестве важнейшего события в истории нашей науки дату 31 июня 1930 г., когда Трубецкой дал объяснение механизма фONOлогических корреляций, коррелятивных пар как противопоставление признакового беспризнаковому, на основе наличия/отсутствия соответствующего признака. «Открытие признака» (*découverte de la marque*), по мнению Вьеля, — величайшее достижение фONOлогии и лингвистики вообще (с. 89), сравнимое с открытиями Архимеда и Ньютона. В роли яблока (*«la pomme tombée»*) здесь выступал ерь («твердый знак»), опускаемый в конце слова по новой русской орфографии: (пыль ~ пыль) → (пыл ~ ~ пыль). Признаком корреляции по мягкости стал мягкий знак, противопоставленный «графическому нулю» как «пулевая флексия» в форме именительного падежа.

Термины «признак», «беспризнаковый», «беспризнаковость» и т. п. при содействии К. Бюлера были переведены на немецкий (*Merkmale, merkmallos...*), калькированы во французском (*marque*) и английском (*mark, unmarked*). В современной русской лингвистической литературе эти термины функционируют как заимствование (с. 95) из английского («маркированный», «немаркированный», «маркированность» и т. п.).

С введенным понятием признака стали осознаваться задачи дальнейшего вскрытия «законов системообразования» (с. 74), понятия корреляции и нейтрализации получили прочный фундамент (с. 91), уточнились понятия оппозиции, фONOлогического родства, а понятие дистрикции стало отходить на задний план. Выяснилось, что при отсутствии коррелятивных оппозиций, если все оппозиции дистриктивные, (т. е. каждая фонема связывается со всеми другими фонемами сразу), нет и фONOлогической системы (с. 82). Р. О. Якобсон сразу же осознал общелингвистическое и общенаучное значение открытия Трубецкого (с. 196).

В рецензируемой книге положительно оценивается вклад Н. Дурново (идея «связанности» цепных корреляций и др.), А. Мартине (интегративная функция корреляций), Б. Трвки («закон минимального контраста») в разработку понятийного аппарата «общей фONOлогической модели».

«ФONOлогическая модель Трубецкого» анализируется во второй главе (с. 153—312). Здесь прослеживается разработка Трубецким идеи системы, системного устройства, «взаимосвязи элементов системы», «фONOлогической связанности». По мнению Вьеля, тезис Н. Дурново о «фONOлогической связанности» послужил непосредственным поводом (с. 231) *inspirée* для доклада Н. С. Трубецкого на I Международном конгрессе фонетических наук (Амстердам, 1932). Здесь впервые осознана роль нейтрализации как важнейшего системообразующего фактора. С этого момента инициатива создания фONOлогии полностью переходит к Трубецкому. Идея системности потребовала пересмотра как определения оппозиций, так и оснований их классификации. В связи с этим пришлось опустить «бином Якобсона» (противопоставление корреляции и дистрикции). Более существенным оказалось противопоставление нейтрализуемых и постоянных оппозиций. За первым определением понятия нейтрализации (Амстердам, 1932) последовали тщательная разработка теории нейтрализации (1935 г.), уточнения понятия архифонемы, позиции максимальной дифференциации, признака (с. 188) и др. Явления синтагматической ассимиляции и диссимилации, комбинаторики фонем и т. п. были подведены под парадигматическое явление нейтрализации (с. 251). Кардинальный пересмотр фONOлогических понятий, их увязка друг с другом на почве все большей «фONOлогизации» их содержания приводили к последовательному освобождению от фпикализма и психологизма. Вслед за Мартине и Якобсоном М. Вьель считает этот процесс прогрессивным, констатируя, что за последние пять лет жизни Трубецкой преодолел все черты психологизма, встречавшиеся в его ранних трудах и трудах его учеников (с. 165). В конце главы рассматриваются общие проблемы характера учения Трубецкого об оппозициях.

Третья глава (с. 313—438) посвящена фONOлогической модели Якобсона, его теории дифференциальных признаков и общих фонетических законов, разработанных им уже после смерти Трубецкого. Здесь ставится вопрос о реакции Якобсона на модификацию Трубецким общей фONOлогической модели. Вьель отмечает, что каждый новый свой шаг,

каждую новую публикацию Трубецкой предварительно обсуждал с Якобсоном и мечтал написать в соавторстве с ним фонологию современного русского языка (с. 318). Однако в то время Якобсон был занят разработкой проблем морфологии. Его возвращение к проблемам фонологии шло через теоретическое осмысление явлений детской речи и афазии, а также типологии фонологических систем на базе опыта применения теории признака в морфологии и семантике. В новой фонологической модели Якобсона на первое место выдвигаются дифференциальный признак, проблемы типологии и классификации дифференциальных признаков. Переосмысляются фундаментальные понятия фонологии. На месте оппозиции как противопоставления фонем в определенных позициях теперь выступает оппозиция признаков (*l'opposition nasal/oral, grave/aigu, voyelle/consonne*) уже безотносительно к позициям. Далее описывается развитие теории дифференциальных признаков Якобсона в работах его последователей и критиков (с. 369—438).

Четвертая глава (с. 439—580) носит название «Якобсон и исторический структурализм в морфологии». Отмечается, что Р. Якобсон, рано осознав общелингвистический характер открытия Трубецкого, сразу же попытался применить его в лексике и морфологии. Он описал систему русского глагола в терминах «морфологических корреляций» (1932). Вскоре аналогичный подход был применен им к анализу надежной системы русского языка (1935—1937, 1958). По словам Вьеля (с. 451, 466), Якобсон сделал для грамматики то же самое, что Трубецкой для фонологии, заложив основы лингвистического анализа с помощью корреляции и принципа признаковости (с. 584).

В пятой главе (с. 581—702) прослеживается совершенствование метода коррелятивного анализа в морфологии (работы де Гроота, Куриловича и Якобсона).

В Заключении (с. 703—712) М. Вьель, подводя итог, констатирует, что Трубецкой «открыл» понятие признака, разработал теорию нейтрализации, идею системы в фонологии. Якобсон уточнил понятие фонемы, «изобрел» термины «корреляция» и «архифонема», использовал концепцию признака в морфологии и обобщил понятие бинарных признаков.

В свою очередь, «перебрасывая мост» между фонологией, с одной стороны, и морфологией, синтаксисом и лексикой, с другой, М. Вьель на основании анализа эволюции идей и понятий устанавливает три [закономерности общелингвистического характера: 1) признаковая (маркированная) форма более частотна по сравнению с беспризнаковой; 2) в позиции нейтрализации немаркированные формы

предпочтительнее маркированных; 3) непарные формы чаще всего беспризнаковые. Морфологический или семантический нуль стремится найти выражение в нуле фонологическом. Маркированная форма, как правило, «одевается» материалью. Эти положения не вызывают возражения и могут быть приняты для дальнейшей проверки и конкретизации.

Весьма странным в работе Вьеля кажется факт отсутствия раздела о зарождении исторической фонологии. А между тем ее создание и «преодоление антиномии Соссюра» — одна из трех (наряду с освобождением от психологизма и разработкой принципа системности) теоретических задач, стоявших перед основоположниками фонологии [2]. Появление первых историко-фонологических работ Якобсона (1929—1931) было воспринято современниками как подлинная революция в историческом языкознании [3].

Читая книгу М. Вьеля, можно подумывать, что крупнейшие научные открытия происходят случайно, как-то сами по себе. Из своего «прекрасного далёка» М. Вьель не разглядел того бесспорного факта, что корни выдающихся открытий Якобсона и Трубецкого уходят вглубь научно-этической и научно-практической жизни России первой трети XX в. В книге ничего не сказано об «alma mater» основоположников фонологии, Московском университете, и учителях, формировавших их научно-этическое мировоззрение, о роли так называемой «формальной» лингвистической школы! Ф. Ф. Фортунатова [4], о Московской диалектологической комиссии, где они делали свои первые шаги в науку, о Московском лингвистическом кружке (1915—1920), прообразе Пражского, и т. д.

Мощнейшим стимулом зарождения фонологии была многолетняя дискуссия по проблемам орфографии русского языка, развивавшего интуитивно-фонологический принцип правописания со времени Кирилла и Мефодия. Эта дискуссия сконцентрировала под руководством Фортунатова огромный «мозговой трест» отечественных и зарубежных лингвистов, обсуждавших отношение не только между звуком и буквой, но и между звуком и фонемой, между буквой и графемой, между графемой и фонемой. Все это позволило тем, кто задумался о статусе фонемы, выйти за пределы акустико-физиологических данных [5, 4].

Другим стимулятором фонологии было «языковое строительство» в СССР. Грандиозные задачи создания письменности для одних народов или ее совершенствования для других и вызвали к жизни теорию построения алфавита Н. Ф. Яковлева, в основе которой лежала его «фо-

немология», (1923). Жизнь заставила искать определение фонемы как единицы, требующей графического отображения, не где-то на стороне, а в системе данного языка на данном этапе его развития. Яковлеву удалось впервые дать собственно лингвистическое определение фонемы, освободив тем самым ее от психологизма [6].

Теперь, при учете материалов, собранных М. Вьелем, картина зарождения фонологии значительно уточняется. Яковлевская модификация «теории фонем» Бодуэна — Щербы вдохновила Яковсона на разработку теории фонологии. До 1931—1932 гг. в деле создания общей и исторической фонологии он играл ведущую роль. Бесспорно, что фонологические интересы Трубецкого развились под влиянием Яковсона. С момента открытия понятия «признака», а в еще большей мере и «нейтрализации» инициатива полностью переходит к Трубецкому, Яковсон же оставляет занятия фонологией и возвращается к ним лишь после смерти Трубецкого. За последние годы своей жизни Трубецкой создал классическую фонологию, получившую характер «универсального и последовательного учения о системе оппозиций и их нейтрализации, чего не было ни в трудах предшественников Трубецкого, ни у его последователей и продолжателей» [7].

Теперь проясняется судьба экстраполяций фонологических идей в диахронию и морфологию. Между исторической фонологией Яковсона и классической фонологией пражской школы легко обнаруживается несоответствие... Краеугольным камнем последней является понятие нейтрализации, оставшееся в тени у Яковсона. То же самое наблюдается и в его работах по морфологии. Дело в том, что Яковсон стал переносить фонологические понятия и идеи в историю и морфологию (1929—1932) прежде, чем была построена парадигма фонологии (1935—1938). А это, между прочим, означает, что достроить парадигму диахронической фонологии и диахронической морфологии — это прежде всего привести их в соответствие с классической фонологией, поставив во главу угла явление нейтрализации [8].

Несколько странным может показаться вывод М. Вьеля, что «Основы фонологии» Трубецкого имеют меньшее значение, чем его ранние работы 1935—1936 гг. (с. 175). Но такой вывод окажется естественным, если задаться целью проследить прежде всего зарождение массачусетской фонологической концепции Яковсона (1952—1956), основой которой стало понятие дифференциального признака. Так и поступил автор рецензируемой книги, вынося в ее заглавие понятие «признак», а не «нейтрализация». Этим же объясняется и отсутствие в рецензируемой книге специального раздела, посвященного исторической фонологии. Завершая рецензию, хотелось бы поблагодарить ее автора за интересный и кропотливый труд и выразить сожаление, что такого рода исследование не было проделано в нашей стране — родине фонологии.

Журавлев В. К.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jakobson R. N. S. Trubetzkoy's letters and notes. The Hague—Paris, 1975. P. 229.
2. Jakobson R. Selected writings. I. Phonological studies. The Hague, 1962. P. 233.
3. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 135.
4. Журавлев В. К. Фортунатов и фонология // Сравнительно-исторические и сопоставительно-типологические исследования. М., 1983.
5. Журавлев В. К. Quo vadis? Камо грядеши? К истории фонологии // Фонология. Фонетика. Интонология: Материалы к IX Международному конгрессу фонетических наук. М., 1979.
6. Яковлев Н. Ф. Принципы фонемологии // ВЯ. 1983. № 6.
7. Реформатский А. А. Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии» // Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 360.
8. Журавлев В. К. Диахроническая фонология. Состояние и перспективы // ВЯ. 1984. № 5. С. 46—47.

Маковский М. М. Английская этимология. М.: Высшая школа, 1986. 152 с.

Рецензируемая монография М. М. Маковского — третья книга автора, изданная в серии «Библиотека филолога». Ранее появились «Английская диалектология» и «Английские социальные диалекты» [1, 2]. Уже простой перечень заголовков этих книг свидетельствует о ши-

роком круге интересов М. М. Маковского: более двух десятков лет автор на большом фактическом материале кропотливо исследует весь комплекс проблем, относящихся к происхождению и семантическому своеобразию не только современной английской, но и древнеанглийской